

А.А. Вигасин

ПИСЬМЕННОСТЬ И ПИСЦЫ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В статье обсуждается вопрос о времени появления письменности в Индии и о статусе писцов. Ведийская традиция была ориентирована на заучивание и сохранение текстов в устной форме. Первые письменные памятники Индии – надписи Ашоки III в. до н. э., в них используются четыре вида письма: арамейское, греческое, кхароштхи и брахми. Арамейское появилось в Гандхаре с конца VI в. до н. э., греческое – после похода Александра. Кхароштхи возникло, скорее всего, на основе арамейского в V–IV вв. до н. э., брахми – позднее. Изобретателями кхароштхи и брахми были, очевидно, ученые брахманы, находившиеся на царской службе. Статус писца оставался высоким в последующие века. Письменность широко распространилась после Маурьев, о чем свидетельствует эпиграфика. На рубеже н. э. были записаны буддийский канон и эпические поэмы. В шастрах начала н. э. (от «Артхашастры» до «Нарада-смрити») часто говорится о письменной документации и есть основания полагать, что тогда уже сложились основы дипломатики. В санскритских текстах поздней древности и средневековья проявляется крайне негативное отношение к писцам-каястхам, что можно объяснить их активным участием в сборе податей.

Ключевые слова: Индия, древность, письменность, писцы, брахми, кхароштхи.

Ведийская религия придавала огромное значение сакральному слову (Vāc). Вач в «Ригведе» (X.125) предстает как богиня-повелительница, подательница благ и воплощение творческого начала. Но слово это – устное, не предполагающее письменной фиксации.

В середине I тыс. до н. э. появились так называемые *веданги* – вспомогательные «части веды», или ведийские науки. Это

фонетика, этимология, грамматика, метрика, то есть дисциплины филологического цикла¹, ориентированные, главным образом, на бережное сохранение и воспроизведение сакрального слова. Даже такие сочинения, как знаменитая грамматика санскрита Панини, были рассчитаны на устное обучение – сама их форма связана со школьной традицией. Текст этой грамматики представляет собою собрание правил (*сутр*), изложенных с предельным лаконизмом и изобилующих специальной терминологией. Ведийские *сутры* нередко трудны для интерпретации, так как они предлагают лишь некий конспект, почти оглавление, а истолкование содержания мог дать наставник-гуру.

Ведийские учебники, также называемые словом *сутра* (букв. «нить»), предполагали, по всей видимости, механическое запоминание – слог за слогом, слово за словом. Характерной чертою, по крайней мере, некоторых из них является двойное деление текста: с одной стороны, на содержательные разделы, с другой же, на «уроки» или «чтения» (*adhyāya*)². Последние могли разрывать не только мысль, но даже фразу. К примеру, в одной из наиболее архаичных *дхармасутр* («Апастамба» I.3.45–I.4.1) последняя сутра «урока» гласит: «Накормив его» (имеется в виду – учителя). А окончание фразы составляет первую сутру следующего урока: «Он (т. е. ученик. – *A. B.*) может оставшееся съесть сам».

Если мы обратимся к не-ведийским религиозным традициям, то увидим, что и здесь первоначальной формой существования текстов была устная. Канонические памятники буддизма фиксировались совместной рецитацией (*saṃgīti*) ученых монахов, а записаны они были лишь в I в. до н. э. Правила поведения (*виная*) и сюжеты, связанные с повседневным бытом монастыря, не предполагают ни наличия письменных принадлежностей, ни чтения и письма как занятий монаха³. Сама форма канонических текстов с их монотонными повторами и нанизыванием синонимов в последовательности, диктуемой ритмикой, указывает на их устное происхождение и бытование⁴.

Стилистические особенности памятников имитируются и в ту эпоху, когда литература становится письменной. В качестве аналогии можно вспомнить о том, как при сооружении пещерных храмов воспроизводились такие детали, которые имели конструктивный смысл лишь в деревянном зодчестве. «Артхашастра Кай-

тильи», составленная в начале н. э., сохраняет двойное деление текста⁵. Автор «Вишну-смрити» в середине I тыс. пытается представить свое сочинение в виде древней *сутры*. Священные книги индуизма, уже не связанные с ведийскими школами (*шастры, пураны*), излагаются в стихах, облегчающих запоминание наизусть. А прологом повествования часто служит рассказ о том, как данную *шастру* древний мудрец продиктовал ученикам.

В распоряжении индологов нет надписей более ранних, чем III в. до н. э.⁶ И даже такой сторонник глубокой древности письменности в Индии, как Георг Бюлер, признавал, что ни один литературный памятник, упоминающий письменные документы, не может быть с уверенностью датирован домауриской эпохой⁷. Само слово *lipi*, в древних индоарийских языках означавшее письмо или надпись, несомненно, заимствовано из Ирана. Оно происходит от персидского *dipi* (в надписях Ахеменидов), а то, в свою очередь, от эламского *tippi/tuppi* (аккадское *ṭurri*, от шумерского *dub* – «табличка»)⁸. Заимствование это могло произойти не ранее конца VI в. до н. э., когда в северо-западной Индии появились две персидские сатрапии – Гандара (Гандхара) и Хинду (Синдху, Синд).

Ситуация изменилась в IV в. до н. э. Неарх, флотоводец Александра Македонского, впервые сообщает о письменности индийцев (Strab. XV.1.67): по его словам, они пишут на кусках тонкой ткани. Поскольку речь идет о территории Панджаба, вполне возможно, что грек видел документы на арамейском языке, распространившемся здесь с конца VI в. до н. э., во времена Ахеменидов. Но не исключено, что имелись в виду документы, написанные так называемым «арамео-индийским» шрифтом. Так Ж. Филиоза⁹ называл письмо *кхарошти*, возникшее на основе арамейского и приспособленное к фонетике индоарийских языков.

Есть сходная информация и у Квинта Курция Руфа (VIII.9.15) – о том, что индийцы пишут на древесном лыке, как на папирусе. Очевидно, имеются в виду документы на бересте (такие берестяные грамоты известны в Кашмире более позднего времени). Но так как Курций не дает какой-либо ссылки на источник своей информации, возможно, эти сведения восходят вовсе не к эпохе Александра, а к I в., когда была составлена его «История Александра». В том же фрагменте Курция речь идет о драгоценных

камнях, которые находят на морском побережье Индии – несомненный отголосок литературы начала н. э., когда греки плавали в Западную и Южную Индию.

Древнеиндийская письменность, безусловно, была изобретена для практических нужд – ведь брахманы не нуждались в письме для фиксации священных текстов на санскрите¹⁰. И в течение нескольких столетий, начиная с Ашоки, надписи составлялись только на разговорных языках – пракритах. Лишь в начале н. э. появилась также санскритская эпиграфика.

Принципы кхароштхи и появившейся позднее¹¹ письменности брахми обнаруживают знакомство с дисциплиной, разработанной в ведийских школах – фонетикой¹². Поэтому следует думать, что изобрели письмо люди не только знакомые с арамейским, но и получившие брахманское образование. Речь, очевидно, должна идти о тех, кто служил при дворе. Неарх (Strab. XV.1.66) выделяет две категории брахманов: одни, по его словам, предавались тому, что относится к естеству, другие же занимались государственными делами, сопутствуя царям в качестве советников. Для обозначения царских слуг и советников санскритские тексты употребляют слово *amātya*. Согласно палийским текстам, социальное положение этих наследственных атмасе настолько отличается от обычных брахманов, что они составляют своего рода касту¹³. Это и заставило Мегасфена усматривать в «советниках и спутниках царя» совершенно особый разряд индийского населения – наряду с «философами»-брахманами (Strab. XV.1.49). Царские слуги (в том числе, очевидно, писцы) выступали не в качестве представителей жреческой *варны*, а как образованные администраторы. И письменность была им нужна не для чтения вед (еще в детстве выученных наизусть), а для государственной деятельности¹⁴.

Самые ранние надписи на индийских языках были высечены по приказу магадхского царя Ашоки в середине III в. до н. э. На северо-западных территориях его державы это были надписи на кхароштхи, а во всех остальных областях – на брахми. Текст царских эдиктов, естественно, готовился в столице, в Паталипуре. Затем царские люди (*mahāmātra*) доставляли его в провинции. Местным властям предлагалось высечь слова Государя (*devānamapriya*) на скалах, на каменных плитах или колоннах, дабы сохранить их навечно (VII колонный эдикт). Из провинциальных

центров «указы о праведности» царя развозили по мелким городам и крепостям (Малый наскальный эдикт). Их периодически, по календарным праздникам, должны были зачитывать при стечении народа (Особые наскальные эдикты). Чеканные формулировки того, в чем именно состоит *дхарма*, часто отличает особый ритм – они, несомненно, были рассчитаны на рецитацию.

Мы не можем с уверенностью воссоздать процесс распространения «эдиктов о *дхарме*» (*dhaṭṭmāṇusatthi*). Внимательное изучение надписей показало, что группы слов разделяются интервалами, которые отражают паузы, делаемые при диктовке писцу. Иногда гласные звуки, завершающие такие фрагменты, приобретают долготы, не имеющие лингвистического обоснования, – вероятно, писец старательно воспроизводил манеру чтения нараспев¹⁵. Нельзя исключить гипотезу о том, что порой царский посланец вовсе не имел с собой письменного текста указа, а читал его писцу наизусть. Однако в большинстве случаев письменный оригинал все же был. Дело в том, что в ряде надписей собственно указу предшествует некое введение с указанием адресата послания и добрыми ему пожеланиями. Иногда это обращение не от имени царя, а от промежуточной инстанции – провинциального наместника (ряд версий Малого наскального эдикта). Мы имеем дело с сопроводительным «конвертом», который вовсе не предназначался для того, чтобы его воспроизводили на камне и передавали грядущим поколениям. Но администрация того или иного городка, не разобравшись, распорядилась высечь на скале все, что было получено от начальства. В таких случаях становится очевидным, что, если был «конверт» или сопроводительное послание, то и царский указ существовал в письменном виде.

Местные власти иногда были довольно бестолковы. Так, например, три версии Малого наскального указа (МНЭ) содержат слова приветствия руководителям местечка Исила. Конечно, лишь один из этих трех пунктов мог бы носить название Исила, но получившие копию послания в двух других местах механически воспроизвели весь текст, включая и те слова, которые к ним не имели отношения¹⁶.

Целый ряд обстоятельств заставляет думать, что переводы на разговорные диалекты готовились обычно не на местах, а непосредственно в царской канцелярии. Видимо, при дворе в Пата-

Паталипутре работали писцы, которые знали разговорные языки тех областей державы, куда планировалось отправить гонцов с эдиктами. Мы и в более поздней санскритской литературе можем увидеть требование к писцу знать языки разных областей и народов (*deśabhāṣāprabhedavid* – «Шукра-нитисара» II.173). Порою знание диалектов не было безупречным, и тогда в переводы проникали чуждые формы, свойственные родному языку писца.

Писали они под диктовку шрифтом брахми, принятым повсюду в Индии, кроме северо-западных территорий. При записи возникали оплошности, связанные с восприятием текста на слух. Если затем переписывали его иным шрифтом (кхароштхи), могли появиться ошибки, связанные с неверным прочтением письменно-го знака брахми¹⁷. Попутно стоит отметить, что греко-арамейская билингва, найденная в Кандагаре, видимо, не восходит к одному и тому же оригиналу. Судя по тому, что имя царя по-гречески передано как Πιοδασσῆ, переводчик располагал той же версией, какую мы видим в восточной Индии (пракритское *riyadasi*). Между тем арамейский перевод выполнен, видимо, с такого текста, какой мы находим в надписях на кхароштхи из северо-западной Индии: пракритское *riyadraśi* передано по-арамейски *Prydarś*. Но вполне возможно, что оба писца находились вовсе не в Кандагаре, а в одной и той же царской канцелярии в Паталипутре – только греческий переводчик пользовался оригиналом эдикта, а для арамейского было проще работать с текстом на кхароштхи и на диалекте гандхари.

В каждую область царский посланец привозил отдельную копию указа, с которой затем делались копии для дальнейшего распространения. По этой причине даже явные ошибки оригинала могли тиражироваться: так в Мансехре и в Шахбазгархи присутствует одна и та же описка: *dhamaṅgala* вместо *dhaṁtamaṅgala*. У. Шнайдер¹⁸ сделал попытку определить соотношение версий Больших наскальных эдиктов (БНЭ), выстроив их «родословное древо» (*Stammbaum*). Это будто бы должно способствовать реконструкции структуры администрации маурской державы. Но методика подобных построений вызывает большие сомнения. Если переводы готовились в Паталипутре, то соотношение между версиями связано не со структурой государства, а с чисто канцелярской процедурой.

В трех местных версиях II МНЭ (из Брахмагири, Сиддапура и Джатинга-Рамешвара) присутствует подпись писца. Полностью она сохранилась в надписи из Брахмагири: «написано Чападой писцом (lipikara)». Под «писцом», безусловно, имеется в виду не тот ремесленник¹⁹, который выбивал надпись на камне (он-то, скорее всего, был безграмотным). Писец – человек, записывавший текст под диктовку²⁰ краской или мелом, чтобы затем уже начинал свою работу резчик по камню. Предположение о том, что писец лишь копировал полученное послание с предельной аккуратностью (соблюдая даже ширину интервалов между группами слов в оригинале) не кажется убедительным. Хорошо известно, что на местах нередко текст сокращали. Об этом знал даже сам Ашока, указывавший в XIV БНЭ: «что написано не полностью – это бывает с учетом местности или (другой) причины либо по оплошности писца».

Вопрос лишь в том, кем был этот Чапада – человеком, писавшим под диктовку на камне, или же писцом, изготовленным в Паталипутре оригинал указа. В первом случае пришлось бы предполагать, что царского посланца в поездке по стране сопровождал один и тот же писец, в трех местах оставивший свою подпись. Г. Фальк²¹ утверждает, что почерк писца во всех трех случаях совершенно различен – следовательно, писцы были разные и, скорее всего, местные. Но тогда остается думать, что Чапада подписал оригинал послания, отправленный из столицы. Кстати сказать, наличие в конце письма указания на имя переписчика полностью соответствует позднейшей практике и требованиям средневековых письмовников²². Во всех иных местах (кроме указанных трех), где имеются версии МНЭ, власти не сочли нужным воспроизводить подпись писца – так же, как опущено было и сопроводительное к ним обращение.

Особенно интересен тот факт, что слово «писец» во всех трех местных версиях записано шрифтом кхароштхи, между тем как вся надпись – на брахми. Письмо кхароштхи распространено было только в северо-западной Индии. На этом основании обычно предполагают, что и сам писец Чапада был уроженцем Гандхары. Письменная традиция на Северо-Западе имела более глубокие корни, чем в Магадхе, и использование гандхарских писцов на службе в Паталипутре было бы вполне естественно. Правда,

К.Р. Норман²³ сомневается в подобной интерпретации, обращая внимание на то, что в надписях на кхароштхи из северо-западной Индии слово «писец» имеет иную, более близкую персидской, форму – *dipikara*. Однако использование кхароштхи в подписи под эдиктом в Брахмагири вовсе не обязывало Чападу и в лексике переходить на родной диалект гандхари.

В последние десятилетия высказывалась гипотеза²⁴ о том, что письменность брахми была изобретена при Ашоке специально для записи его эдиктов на камне. На наш взгляд, эта точка зрения противоречит степени распространения грамотности в середине III в. до н. э. Для того, чтобы написать эдикты в разных частях огромной страны, требовалось известное количество писцов, – а также и чтецов, знающих шрифт брахми. Людей, которые по праздникам зачитывали эдикты царя местным жителям, очевидно, можно было найти даже в небольших поселениях²⁵. Для того, чтобы грамота была освоена по всей стране хотя бы очень узким слоем лиц, связанных с управлением государством, конечно, требовалось время²⁶.

После III в. до н. э. количество надписей резко увеличивается, причем многие из них были частными (посвятительными, дарственными и проч.). Со II в. до н. э. надписи на брахми и на кхароштхи появляются также на монетах (не без эллинистического влияния). Грамотность становится престижной как вид знания. Так, царь Кхаравела (I в. до н. э., Орисса) похваляется тем, что с юных лет освоил грамоту и счет (*lekharīpagaṇanā*). В надписях рубежа н. э. встречаются имена писцов или членов семьи писца, которые посещают святые места и приносят пожертвования буддийской общине²⁷.

В поздних частях палийского канона содержатся упоминания о письменности (хотя сам канон еще не был записан). Деятельность писца причисляется к «благородным ремеслам» (*ukkaṭṭhaṁ sippam* – Виная IV.7.128). На рубеже н. э. или в начале н. э. записываются важнейшие литературные памятники на пали и на санскрите, такие как «Типитака», «Махабхарата» и «Рамаяна». Авторские сочинения (к примеру, санскритские поэмы и драмы Ашвагхоси) создаются в письменной форме. Кушанская эпоха – время расцвета городов, культуры которых была в значительной мере связана с письменностью. И недаром, говоря о носителе городской культу-

ры (nagaraka – букв. «городжанин»), «Камасутра» упоминает, что на столике у его постели непременно должна лежать «какая-нибудь книга» (I.4.4). Калидаса («Рагхувамша» III.28) уподобляет знание «словесному океану» (vāñmayam samudram), путь в который открывает владение грамотой (lipi). В период поздней древности культура и знание уже могли ассоциироваться с книгой.

В одной из самых поздних книг «Махабхараты» (XIII.24.70) содержится следующая фраза: «Те, кто записывает веды, пойдут в ад». Из этого можно сделать два вывода. Во-первых, уже в конце древности были записи ведийских текстов. Во-вторых, отношение ортодоксальных брахманов, редакторов дидактических частей эпоса, к процедуре письменной фиксации сакральных текстов (но только их!²⁸) и в первые века н. э. оставалось резко отрицательным. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и позднее. Чанакье приписывается афоризм («Вриддха-Чанакья» XVII.1), согласно которому истинное знание можно получить лишь из уст наставника. Знание, полученное из книг, сравнивается с незаконнорожденным ребенком, зачатым от любовника. Такое сравнение вполне понятно: у самоучки отсутствует главное – живая связь с наставником-гуру, причастность к непрерывной линии учителей. И в XI в. Абу-рейхан Бируни²⁹ отмечал, что индийцы «не считают дозволенным записывать Веды».

Значительно менее суровым было отношение к книжному знанию среди буддистов. Буддизм стремился к распространению, а переписывание рукописей способствовало умножению числа его приверженцев. Ситуацию своего времени буддийские авторы проектировали на ту эпоху, когда жил основатель учения. Поэтому в «Лалитавистаре» (125.19), например, говорится о том, что Будда знал 64 вида письменностей (число, конечно, условное и священное). На этот пассаж очень любят ссылаться сторонники раннего происхождения брахми и кхароштхи³⁰. Однако в перечне видов письма (так же, как в аналогичном списке в «Махавасту» – I.135) присутствуют явные анахронизмы. Наряду с брахми и кхароштхи здесь можно обнаружить и греческое письмо³¹, и китайское (с которым индийцы могли познакомиться не ранее II в. до н. э.), и даже письменность гуннов (появившихся в Индии лишь в середине I тыс. н. э.)³².

Резко отрицательное отношение к записи вед нисколько не мешало широкому распространению грамотности и использованию

письменности для иных, не сакральных, целей. Об этом свидетельствуют брахманские книги – *шастры*. В «Артхашастре», в соответствии с тематикой всего трактата, речь по преимуществу идет об официальных документах. Есть и специальная глава (II.10) о правилах составления указов (*śāsana*)³³. При этом предполагается, что царская канцелярия использует в качестве языка не разговорные диалекты (пракриты), а санскрит. Значит, в составлении указов и царской корреспонденции самое активное участие должны были принимать знатоки санскрита – ученые брахманы. На это указывает и широкое использование в данной главе трактата специальной терминологии традиционной грамматики и логики – предметов, которые составляли основу брахманского образования.

В старинных *дхармасутрах*, повествовавших о судебной процедуре («Апастамба», «Баудхаяна»), документы вовсе не упоминались – речь шла лишь об устных показаниях свидетелей. Но в *дхармашастр*ах середины I тыс. («Яджнавалкья», «Нарада», «Вишну», фрагменты «Брихаспати» и «Катьяяны») мы видим самое широкое использование деловой документации. В *шастрах* перечисляются многочисленные виды документов: договоры о долге, залоге, продаже, о рабской или иной зависимости и т. п. («Нарада», Введение II.38 и др.). Именно документы, а не устные показания свидетелей становятся важнейшим способом доказательства в суде («Нарада» I.66 и др.). Авторы уделяют большое внимание способам проверки подлинности представленного документа (по почерку, подписям, соблюдению формуляра и т. д.). Упоминание в этой связи «собственноручных расписок» свидетельствует о распространении грамотности.

Документ составлял писец (lekhaka), имя которого следовало указать – так же, как имена свидетелей сделки. Строго говоря, lekhaka мог быть и не профессионалом, а просто грамотным человеком (līpijña), которого привлекли для оформления сделки («Нарада», II.146; «Вишну», VII.4). Однако необходимость соблюдения формуляра заставляет предполагать, что обычно он был профессиональным писцом. Если речь идет о различных сделках, совершаемых в сельской местности, документы оформлял, очевидно, тот, кого именуют словом grāmalekhaka – «деревенский писец» или grāmakāyastha («Раджатарангини», V.175). «В каждой деревне и в каждом городе должен быть писец», как сказано в «Шукра-

нитисаре» II.220. В Средние века и в Новое время «деревенские писцы» участвовали в сборе податей. В XIX веке в разных районах Индии их положение было не одинаково: где-то они являлись государственными чиновниками, в других местах рассматривались в качестве служащих самой деревенской общины³⁴. Вполне естественно, что распространение грамотности способствовало тому, что к ней получали доступ представители все более низких общественных слоев. Среди писцов в Средние века иногда мы встречаем брахманов, но, безусловно, большинство деревенских грамотеев отнюдь не принадлежало к высоким кастам.

От периода Средневековья сохранились письмовники, содержащие образцы как официальных документов разного рода, так и частных писем, адресованных родным или знакомым. И хотя речь идет в данном случае о литературном жанре, требующем некоторой условности, трудно сомневаться в том, что основу данных текстов составлял подлинный актовый материал. Письмовники могли преследовать практические цели – служить руководством для писцов (а также и для судей, определявших подлинность документов). Наиболее известный из них «Лекхападдхати» датируется XIII–XV вв. Некоторые тексты такого рода известны лишь по упоминаниям в санскритской литературе – к примеру, «Тришаштилекхапракарана» («Шестьдесят три вида документов») Кальянахатты. Стоит отметить, что автор последнего трактата был ученым брахманом – именно он редактировал комментарий Асахаи к «Нарада-смрити», одному из важнейших памятников индусского права.

В нашем распоряжении нет такого рода руководств, которые датировались бы эпохой древности. Но те правила оформления указов, которые содержатся «Артхашастре», позволяют предполагать наличие подобных пособий уже в начале н. э.³⁵ Излагаемые в *дхармашастрах* Яджнавалкьи и Вишну требования к оформлению дарственных грамот на землю полностью соответствуют практике оформления таких документов на медных пластинках, известных начиная с эпохи Гуптов. Поэтому можно с уверенностью говорить, что уже тогда в Индии были выработаны основы дипломатики.

Классическая санскритская драма поздней древности рисует несколько фигур писца. Обычно они именуются термином *kāyastha* (как и в надписи из Дамодарпура середины VI в.³⁶, ср. «Вишну» VII.3). В одной из сцен «Глиняной повозки» Шудраки писец асси-

стирует судье вместе с купеческим старшиною (*ишештихи*), – он оформляет протокол допроса. Первоначальный текст этого протокола, вероятно, записывался мелом на доске, лежавшей на земле, ибо проговорившийся участник процесса пытался незаметно стереть запись ногою. Писец имеет официальный статус члена судебного ведомства (*адхикараṇa*), говорит он хотя и не на санскрите, но на престижном диалекте шаурасени.

В драме Вишакхадатты «Перстень Ракшасы» писец Шакатадаса является лицом, особо приближенным к главному советнику свергнутого царя. Правда, брахман Чанакья отзыается о нем несколько пренебрежительно: невелика, мол, птица – всего лишь писец (*kāyastha iti laghvī mātrā*)³⁷. Однако он с полной серьезностью воспринимает Шакатадасу в качестве такого противника, с которым следует считаться. В той же пьесе мы видим, что только профессиональным писцам доверяли оформление письма. Ведь, как утверждает Чанакья, ученые брахманы пишут невнятно (*śrotriyākṣarāṇī prayatnalikhitānyapi niyatamasphuṭāṇi bhavanti*)³⁸.

Упоминания *kāyastha* в санскритских текстах I тыс. нередко сопровождаются крайне резкими отзывами о них. Едва ли не ранее всего это сформулировано в *дхармашастре* Яджнавалкы: царю рекомендуется защищать свой народ от всевозможных насильников и разбойников, но главным образом – от *kāyastha* (II.336). Афоризм этот стал популярным, он повторяется в разных текстах³⁹ на протяжении нескольких веков, а небольшие вариации свидетельствуют о том, что обычно цитировали его наизусть. В синонимическом словаре «Амаракоша» писец ассоциировался с царем: слово *lipikara* – так же, как посол и *пурохита* (домашний жрец) – рассматривалось в разделе о кшатрии. Его главной функцией был сбор налогов⁴⁰. Нередко речь идет о писце как о царском фаворите, что делает его особенно опасным для населения страны⁴¹. Это представитель всемогущей бюрократии, «кувшинное рыло», по выражению нашего писателя. Средневековый санскритский хронист Кальхана («Раджатарангни», V.180) обзывает писцов словом «сын рабыни» (*dāsīputra* – это выражение примерно соответствует нашему «сукин сын»). Он говорит, что вся земля попала под власть *каястхов* (V.181). Писцы пытаются отобрать у порядочных людей все, оставляя им только воздух (V.185, ср. IV.629–630). Древнему мудрецу Ушанасу⁴² приписывалась, в типично индийском духе, искусственная этимология

слова *kāyastha* от *kāka* – *yama* – *sthapati*. Она должна была раскрыть самую сущность писца: он – алчный, как ворона, и безжалостный, как сам бог смерти.

Начиная с IX в. можно говорить о писцовых кастах. Положение представителей этих каст нередко противоречиво⁴³. Они могли быть связаны с двором и администрацией (особенно если эта администрация иноземная). Однако сами их занятия рассматривались как услужение, обслуживающий труд, сходный с ремесленными профессиями⁴⁴. В поздних санскритских текстах проявляется брезгливое отношение к «чернильным душам»⁴⁵ со стороны ученых брахманов⁴⁶. Статус *каястхов* в кастовой иерархии был предметом ожесточенных споров в традиционном обществе⁴⁷. В Бихаре и Уттар-прадеше в позапрошлом веке их рассматривали в качестве дваждырожденных, а в Бенгалии считали шудрами.

Примечания

- ¹ Х. Шарфе подчеркивает отличие в этом отношении Индии от классической Греции, в которой ведущей наукой была геометрия (*Scharfe H. Education in Ancient India*. Leiden: Brill, 2002. P. 60).
- ² См. *Renou L. Les divisions dans les texts sanskrits* // *Renou L. Choix d'études indiennes*. Tome II. P.: École Française d'Extrême-Orient, 1997.
- ³ *Rhys Davids T.W., Oldenberg H. Introduction* // *Sacred Books of the East*. Vol. XIII (Vinaya Texts). Oxford: Clarendon Press, 1880. P. XXXI–XXXII.
- ⁴ *Hinüber O. von. Der Beginn der Schrift und frühe Schriftlichkeit in Indien*. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1989. S. 31; *Idem. Untersuchungen zur Mündlichkeit früher mittelindischer Texte der Buddhisten*. Stuttgart: Franz Steiner, 1994.
- ⁵ См. *Renou L. Les divisions...* P. 20; *Scharfe H. Investigations in Kauṭalyas's Manual of Political Science*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. P. 16 f.
- ⁶ Правда, ряд археологов утверждает, будто ими были обнаружены при раскопках в Анурадхапуре на Ланке предметы со знаками письменности брахми в слоях IV в. до н. э. (*Salomon R. Indian Epigraphy*. New York: Oxford University Press, 1998. P. 12). Однако эта информация нуждается в основательной проверке.
- ⁷ *Bühler G. Indian Paleography*. Delhi: Munshiram, 2004. P. 18.
- ⁸ *Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. III. Heidelberg: Carl Winter, 1976. S. 103. От *lipi* «письмо»

- (на пракрите *livi*) происходит и слово «писец» (*lipika* – *livika*), см. *Divyāvadāna*, 293, 5; 9.
- ⁹ *Filliozat J.* Paléographie // L'Inde classique. Tome II. Р.: EFEO, 1996. Р. 670.
- ¹⁰ *Janert K.L.* About the Scribes and their Achievements in Aśoka's India // German Scholars on India. Vol. I. Varanasi: Chowkhambha Sanskrit Series Office, 1973. Р. 141.
- ¹¹ *Voigt R.* Die Entwicklung der aramäischen zur Kharoṣṭhī- und Brāhmī-Schrift // ZDMG. Bd. 155. 2005. S. 48.
- ¹² *Bühl G.* Indian Paleography. Р. 18, 33.
- ¹³ *Fick R.* Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddhas Zeit. Graz: Akademische Druck- und Verlags-Anstalt, 1974. S. 93–94, 164.
- ¹⁴ Тот факт, что изобретателями индийской письменности были опытные фонетисты, отмечен был давно. На наш взгляд, это противоречит предположению о том, будто существенную роль в создании письменности могли сыграть торговцы, путешествовавшие в Переднюю Азию. Вайши-торговцы вряд ли были людьми, сведущими в науке фонетики.
- ¹⁵ *Janert K.L.* Abstände und Schlussvokalverzeichnungen in Aśoka-Inschriften. Wiesbaden: Franz Steiner, 1972.
- ¹⁶ *Норман К.Р.* Как происходила рассылка эдиктов Ашоки // ВДИ. 1999. № 2. С. 73.
- ¹⁷ Там же. С. 72.
- ¹⁸ *Schneider U.* Zum Stammbaum der grossen Felseninschriften Aśokas // Indologen-Tagung 1971. Wiesbaden: Franz Steiner, 1973; *Idem.* Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Wiesbaden: Franz Steiner, 1978. S. 18. Критику этих построений см.: *Fussman G.* Central and Provincial Administration in Ancient India: the Problem of the Mauryan Empire // IHR. Vol. XIV. № 1–2. 1987–1988.
- ¹⁹ Упасак (*Upasak C.S.* History and Palaeography of Mauryan Brāhmī Script. Varanasi: Siddhartha Prakashan, 1960. Р. 27) полагает, что это был резчик (engraver).
- ²⁰ *Salomon R.* Indian Epigraphy. Р. 65; *Sircar D.C.* Indian Epigraphical Glossary. Delhi: Motilal BanarsiDass, 1966. Р. 171.
- ²¹ *Falk H.* Aśokan Sites and Artefacts. Mainz: Philipp von Zabern, 2006. Р. 58.
- ²² «Яджнавалкья» II.88: *etanmayā likhitam̄ hyamukeneti... lekhako'nto tato likhet* («Писец в конце пусть напишет: это мною написано, таким-то»).
- ²³ *Norman K.R.* Middle Indo-Aryan Studies X // *Norman K.R.* Collected Papers. Vol. I. Oxford: Pali Text Society, 1990. Р 161–162.
- ²⁴ *Hinüber O. von.* Der Beginn der Schrift... S. 59–60; сходным образом высказывается Г. Фальк: *Falk H.* Schrift im alten Indien. Tübingen: Günter

- Narr, 1993; см. также *Goyal S.R. Ancient Indian Inscriptions. Recent Finds and New Interpretations*. Jodhpur: Kusumanjali Book World, 2005.
- ²⁵ Возможно, иногда это были чиновники, переселившиеся из Магадхи – во всяком случае, надписи с южных границ державы написаны на том же самом восточном диалекте (а население там и вовсе было дравидийским).
- ²⁶ На это обстоятельство справедливо обращает внимание К.Л. Янерт. См. *Janert K.L. Abstände...* S. 19.
- ²⁷ *Lüders H. A List of Brahmi Inscriptions*. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1912. № 209, 1037, 1045, 1138, 1148, 1149, 1291.
- ²⁸ В пуранах («Шабдакальпадрума» II.93) можно встретить такое утверждение: «Писец имеет право все, что угодно, записать пером с чернилами (masyā saha lekhanyā) – но только не ведийский текст (vaidikam)».
- ²⁹ *Бируни А. Индия // Бируни А. Избранные произведения*. Т. II. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1963. С. 141.
- ³⁰ *Дирингер Д. Алфавит*. М.: Изд. иностранной литературы, 1963. С. 388.
- ³¹ *Yavanī*.
- ³² Воробьева-Десятовская утверждает, будто текст датируется рубежом н. э., что трудно согласовать с упоминанием гуннов (*Воробьева-Десятовская М.И. Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М.: Наука, 1988. С. 23*).
- ³³ *Stein O. Versuch einer Analyse des Śāsanādhikāra // Stein O. Kleine Schriften*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1985.
- ³⁴ *Wilson H. A Glossary of Judicial and Revenue Terms*. London: W.H. Allen and Company, 1855. P. 406.
- ³⁵ *Strauch I. Die Lekhapaddhati-Lekhapañcāśikā*. Berlin: Dietrich Reimer, 2002. S. 17.
- ³⁶ *Inscriptions of the Early Gupta Kings (CII, Vol. III)*. Varanasi: Indological Book House, 1981. P. 360.
- ³⁷ *Viśākhadatta*. Mudrārākṣasa. Poona: Royal Book Stall, 1948. P. 20.
- ³⁸ *Ibid.* P. 24.
- ³⁹ «Парашара-смрити» XII.25; «Вишнудхармоттара-пурана» II.61.28; «Агни-пурана» 223.11, ср. «Нитисара» V.81; «Манасолласа» II.155–156; «Йогаятра» I.18.
- ⁴⁰ Уже в «Махабхарате» говорится (II.5.62), что «писцы и счетчики» (gaṇakalekhaka) используются в делах «прихода и расхода» (āyavyaya) при царском дворе. Апарарка поясняет слово *каястха* в «Яджнавалькье» II.336: «налоговые чиновники» (karādhikṛta). В сходной шлоке «Ману» стоит просто «царский слуга» (bhṛtya).
- ⁴¹ По крайней мере, после XI в. некоторые *каястха* получали деревни с зависимыми земледельцами (*Thapar R. Social Mobility in Ancient India*

with Special Reference to Elite Groups // *Indian Society: Historical Probing*. Delhi: People's Publishing House, 1974. P. 112). См. EI. XVIII.243: *vallabha* из *kāyasthavamśa* «феодал из рода писцов», ср. комм. Виджнанешвары на «Яджнавалкья» II.336 о писцах – царских «фаворитах» или феодалах (*rājavallabha*).

⁴² *Kane P.V. History of Dharmaśāstra*. Vol. II. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1974. P. 76.

⁴³ *Baines A. Ethnography (Castes and Tribes)*. Strassburg: K.J. Trübner, 1912. P. 38–39; *Thapar R. Cultural Pasts. Essays in Early Indian History*. New York: Oxford University Press, 2010. P. 202.

⁴⁴ См. *Āṅgavijjā*. Banaras: Prakrit Text Society, 1957. P. 160; ср. *Kane P.V. History...* P. 76 (цитата из «Веда-Вьяса-смрити», согласно которой писцы объединяются с цирюльниками, горшечниками и другими шудрами). Пишу от писца так же не следует принимать, как от золотых дел мастера или распутницы.

⁴⁵ *masīśaka* – букв. «владеющий чернилами».

⁴⁶ См. в «Шабдакальпадрума» (*Śabdakalpadruma*. Vol. II. Delhi: Motilal Banarsidas, 1961) подборку уничтожительных характеристик писцов (каястха, липикарака), которые являются-де шудрянской кастой: они происходят из ступней ног Праджапати и должны быть слугами брахманов (*viprasevaka*).

⁴⁷ *Kane P.V. History...* P. 75–77.